

Кризис в Бангладеш

Дакка и огненное кольцо вокруг Индии

По мнению Раджи Мохана, обозревателя *Indian Express* и авторитетного эксперта по индийской внешней политике, Дели следует задуматься о «пределах своего влияния» на внутреннюю динамику соседних стран, а не сокрушаться по поводу падения режима Шейх Хасины в Бангладеш 5 августа после месяца уличных демонстраций, унёсших от 300 до 500 жизней.

Ричард II в Дакке

Мохан считает, что здесь уместно вспомнить пьесу Уильяма Шекспира «Ричард II» (1594–1995): «*Давайте сядем наземь и припомним Предания о смерти королей*». Эта шекспировская трагедия размышляет о политической власти: монарх, правящий по божественному и династическому праву, но оказавшийся неспособным обеспечить функционирование государства, оказывается свергнут во имя «государственного интереса» герцогом Ланкастерским, будущим Генрихом IV, который воплощает макиавеллистскую и ренессансную концепцию политики. Если приложить это к современности, то Дели должен руководствоваться принципами *Realpolitik*: часть «авторитета великой державы» заключается в оказании поддержки своим союзникам и партнёрам, но приоритетом остаётся защита «стратегических и жизненно важных интересов», которые не могут зависеть от судьбы «отдельных лиц или партий».

История Хасины, которая была вынуждена бежать в Дели после того, как вооружённые силы Дакки отказались открыть огонь по демонстрантам, для индийского комментатора – это «*история триумфа и трагедии*»: она стала воплощением наследия своего отца по обретению национальной независимости и упрочила «экономическое чудо» Бангладеш, ставшей мировым центром текстильного производства после Китая. Трагизм же заключается в том, что она переняла и недостатки своего отца: «*навязчивое стремление к централизации власти*», кумовство и поляризацию национального исторического нарратива. Прозванная «*железной принцессой*», Хасина уже пережила годы изгнания в Индии после убийства отца, Муджибура Рахмана, и сорока членов семьи во время военного переворота.

Будучи главой Авами Лиг, основанной самим Рахманом в 1949 году, Хасина правила страной с 1996 по 2001 год, а затем непрерывно с 2009 года. Свой четвёртый подряд мандат она получила в январе прошлого года на выборах, бойкотированных оппозицией, в первую очередь НПБ, Националистической партией Бангладеш, второй крупной политической силой страны. Однако Дели, видя, что режим в соседней стране переживает кризис легитимности, решил не замечать его разрастающихся трещин. По мнению Мохана, свою роль сыграло и «*чрезмерно романтическое*» представление о роли Индии в отделении Бангладеш. С одной стороны, в таком восприятии преуменьшаются масштабы гражданской войны между сторонниками независимости, представленными Авами Лиг, и «*лоялистами*», сторонниками сохранения союза с Пакистаном. С другой стороны, не учитываются антииндийские настроения, унаследованные от территориального «*раздела*» 1947 года с его массовыми убийствами и насильственным перемещением населения.

“Сирота” и “вдова”

Толчком к политическому кризису в Бангладеш послужили протесты, вспыхнувшие в университетских кампусах, в связи с тем, что правительство вновь ввело механизм квот для новых сотрудников государственной администрации: треть мест в ней резервируется для “мухти”, ополченцев, выступавших за отделение от Пакистана во время конфликта 1971 года, и их потомков. Это часть клиентелистской логики, с помощью которой Авами Лиг обеспечивает себе электоральную базу и монополизирует контроль над местными администрациями. По мнению некоторых наблюдателей, в условиях высокого уровня безработицы и неполной занятости среди молодёжи, особенно среди выпускников вузов, а также стагнации социального лифта эта мера была расценена как «*нарушение общественного договора*». С 1990 года и по сей день политическое противостояние в Дакке сосредоточено на соперничестве между «*национальной сиротой*» Хасиной, создавшей культ

собственного отца, и «вдовой» Халедой Зия, главы НПБ, приходившей к власти в начале 1990-х и затем в начале 2000-х годов.

Зия является вдовой генерала Зиаура Рахмана, основателя НПБ и одного из зачинщиков переворота 15 августа 1975 года. Прошедший подготовку в пакистанской армии, Зиаур стремился «дисциплинировать Бангладеш», либерализовав экономику страны после шквала национализаций, проведённых Муджибуром. По мнению Виллема Ван Шендела, специалиста по истории Южной Азии из Амстердамского университета, Зиаур вдохновлялся моделью «модернизации сверху», которую реализовывал в Пакистане режим генерала Аюб Хана, находившегося у власти с 1958 по 1969 год.

Однако в 1981 году Зиаур был убит в ходе нового военного переворота, и его место занял генерал Х.М. Эршад, основавший собственную партию «Джатио», которая в свою очередь была свергнута в результате волны народных протестов в 1990 году. Восстановление парламентской демократии привело к подъёму НПБ под руководством Зии («*A history of Bangladesh*», 2020). Если Авами Лиг и НПБ являются представителями светского национализма, то третьей силой, регулярно запрещаемой различными правительствами, выступает исламистская партия Джамаат-и-Ислами. Она относится к более фундаменталистской части бенгальского исламизма, для которого характерна синкретическая традиция. В Бангладеш проживает множество религиозных меньшинств, в том числе 13 миллионов индуистов, и этот фактор играет важную роль в расчётах Дели. Как и в 2007–2009 годах, когда для урегулирования конфликта между партиями армия назначила техническое правительство, сегодня вооружённые силы поддержали выдвижение 84-летнего лауреата Нобелевской премии мира Мухаммада Юнуса, политического оппонента Хасины и персонажа, уважаемого студенческим движением.

Становление бенгальского национализма

По мнению Ван Шендела, государственные структуры на индийском субконтиненте сложились на основе разнообразного наследия британского колониального правления; одним из примеров является «общинное представительство», основанное на этноконфессиональной, кастовой и конфессиональной структуре, которое Лондон и администрация раджей унаследовали от Ост-Индской компании. Истоки бенгальского национализма, как и антиколониального движения в Индии, лежат в студенческой среде конца XIX века и нашли своё выражение в Мусульманской лиге. Её дебютом стали демонстрации 1905–1911 годов против административного разделения Бенгалии Лондоном — меры, с помощью которой последний предполагал отделить требования политического представительства исламской общины от требований индуистов, уже представленных через Партию Конгресса. Это движение приобрело также террористические формы, опираясь, по словам Ван Шендела, на «русских народников, ирландский национализм и итальянские общества карбонариев».

Лондон отказался от административного раздела Бенгалии, который закрепил бы изоляцию Дакки от промышленной и экономической столицы раджей Калькутты. Однако британская операция углубила политический раскол между Мусульманской лигой и Конгрессом, учитывая, что последний поддерживал раздел. В 1943 году потребности военной экономики Лондона стали причиной одной из величайших исторических травм региона: голод в Бенгалии, унёсший около 3,5 миллиона жизней, усилил враждебность к британскому управлению.

Раздел и война

Второй травмой стало «разделение» субконтинента на конфессиональной основе в 1947 году с созданием Пакистана как «государства индийских мусульман». Помимо огромной вынужденной миграции миллионов людей, это повлекло за собой гибель около миллиона человек в результате столкновений между общинами, особенно в Бенгалии и Пенджабе. Пакистанский эксперимент стал первым современным государством, наряду с Израилем, созданным на религиозной основе и объединившим сто миллионов мусульман, среди которых относительное большинство составляли бенгальцы.

С географической точки зрения это была аномалия: Западный Пакистан со столицей в Равалпинди, а затем в Исламабаде, и Восточный Пакистан с административным центром и

парламентом в Дакке разделяло около 2.000 км индийской территории. Центром государственного управления был исламский Пенджаб, где проживало большинство военных кадров и была наиболее развитая экономика.

Восточный Пакистан, лишившись экономической связи с промышленным районом Калькутты, представлял собой в основном сельскую местность и служил источником ресурсов и рабочей силы для развития западной части страны – говорили даже о «*колонииальном господстве*» Исламабада.

По мнению индийского историка Сринатха Рагхавана, причиной разрыва соглашения 1947 года стало требование Авами Лиг о предоставлении политической и экономической автономии, переросшее в 1966 году в манифест о федеральной или конфедеративной реорганизации государства, а затем и кризис военного режима Айюб Хана, вызванный студенческими волнениями «*пакистанского 68-го года*» – плода экономического развития и подражания западным протестам.

Репрессии против Авами Лиг со стороны исламабадских военных и активизация бенгальских партизан, поддерживаемых Дели, привели к третьей национальной травме – войне за независимость 1971 года. В конфликте, как отмечает Рагхаван, были замешаны Дели, Исламабад, Вашингтон, Пекин и Москва. Победа Индии в результате прямого военного вмешательства в декабре 1971 года санкционировала как независимость Бангладеш, так и утверждение Индии в качестве державы-гегемона на субконтиненте. Эта гегемония подвергается пересмотру в связи с возвышением Китая в последние два десятилетия, и фактически даже последние события свидетельствуют о сокращении влияния Индии в пользу влияния Китая.

Призрак Китая в Дели и Токио

Причём сама Хасина, опираясь на поддержку Дели, проводила политику многовекторности, налаживая прочные торговые отношения с Пекином и даже присоединившись к Шёлковому пути в 2015 году.

Как отмечает *India Today*, её падение создаёт ещё один очаг нестабильности в индийском ближнем зарубежье, которое называют «*огненным кольцом*», состоящим из нестабильных, питающих недоверие или открыто враждебных к Дели государств: Непала, Шри-Ланки, Мальдив, Пакистана и, наконец, Мьянмы, с 2021 года пребывающей в состоянии кровавой гражданской войны, которая может перекинуться и на Бангладеш, и на северо-восток Индии.

По мнению Шившанкара Менона, бывшего советника по национальной безопасности, «*индийский истеблишмент ведёт себя так, будто Индия перешагнула через своих соседей*», поэтому Дели «*кажется более заинтересованным в Большой двадцатке, США и России*». Хуже того, БДП проводит внутреннюю политику, ориентированную на ценности общин и индуистского шовинизма, «*в то время как её главные соседи – мусульмане*». С тревогой оценивают ситуацию и в Токио – крупном спонсоре, оказывающем экономическую помощь Дакке с 1972 года. По мнению газеты *Санкей Симбун*, рупора японских националистических правых, Южная Азия с её кризисами «*подвержена интервенционистским действиям великих держав по созданию сфер влияния*». А в контексте китайско-американского соперничества она рискует превратиться в «*спичечный коробок, готовый вспыхнуть*».

По мнению *Йомиури Симбун*, ведущей ежедневной газеты Японии, игра в Дакке – это не китайско-индийское соревнование: «*Япония – ведущий спонсор Бангладеш, она развивает там порты и инфраструктуру и имеет более 300 компаний*». Намекается, что она может уравновесить китайское влияние, возможно, в сотрудничестве с Дели.

Сотни смертей – трагическая цена за первый политический опыт бенгальских студентов. Он накладывается на жестокие репрессии, которые режим в последние месяцы обрушил на забастовки молодого и боевого текстильно-швейного пролетариата. Это благодатная почва для формирования классовой автономии среди тех, кто не поддастся на уловки течений бенгальской буржуазии.

Июль – август 2024 г.